

Е. П. Блаватская

История одной планеты

Никакая звезда среди бесчисленных мириад, мерцающих на ночном небосводе, не сияет столь изумительно, как планета Венера – и даже Сириус-Сотис, собака-звезда, любимая Изидой. Венера является королевой среди наших планет, драгоценной короной нашей солнечной системы. Ибо:

Не только светят звезды, но и учат, –

хотя их тайны до сих пор неизвестны и сокрыты от большинства людей, включая сюда и астрономов. Они поистине «прекрасны и таинственны». Но, по словам Байрона:

Где тайна есть, там, полагают, И дьявол непременно обитает.

Таким образом, дьявол опознается предрасположенным ко злу людским воображением даже в этих ярко святащих глазах, которые прищурясь смотрят на наш греховный мир из-за покрывала эфира. Так появлялись оклеветанные звезды и планеты, так же как и опороченные мужчины и женщины. Слишком часто репутация и будущее одного человека или одной группировки приносится в жертву ради выгоды другого человека или группировки. Но как внизу, на земле, так и вверху, на небесах, и потому Венера, планета-сестра нашей Земли, была принесена в жертву амбициям нашего маленького земного шара, чтобы представить его «избранной» Господом планетой. Она стала козлом отпущения, Азазелем небесного мира, за грехи Земли, или, скорее, грехи определенного класса человеческой семьи – духовенства, которое оклеветало сверкающее небесное светило, чтобы доказать то, что их честолюбие внушило им как лучшее средство для достижения власти, и непрестанно распространяло эту клевету среди суеверных и невежественных масс.

Все это происходило в средние века. И поныне этот грех лежит черным пятном на христианах и их научных вдохновителях, хотя это заблуждение и было успешно возведено в ранг величественной религиозной догмы, как и многие другие выдумки и измышления.

Поистине, весь звездный мир, планеты и их регенты – древние боги языческой поэзии – солнце, луна, стихии и все огромное множество бесчисленных миров, – по крайней мере те из них, о которых было известно отцам церкви, – всех их постигла та же самая судьба. Все они были оклеветаны и извращены из-за одного и того же ненасытного желания доказать, что одна маленькая система теологии – построенная и сконструированная из старого языческого материала – является единственно верной и святой, а все остальные, которые предшествовали ей или возникли после нее, – совершенно ложными. Нас просят поверить в то, что солнце и звезды, да и сам воздух, стал чистым и «искупленным» от первоначального греха и сатанинского элемента язычества только после 1 года н. э. Схоластики и комментаторы, дух которых «отвергал с презрением тщательные исследования и неторопливые выводы», показали, для удовлетворения непогрешимой церкви, что весь Космос находился во власти Сатаны вплоть до Рождества – плохой комплимент Богу; и христиане должны были либо поверить в это, либо подвергнуться проклятию. Однако нигде их тонкая софистика и казуистика не обнаружили себя столь явственно в своем истинном свете, как в вопросах об экс-сатанизме и последующем спасении различных небесных тел. Бедная прекрасная Венера потерпела поражение в этой войне так называемых божественных доказательств в большей степени, чем какие-либо из ее небесных собратьев. В то время как история остальных шести планет и их постепенного преобразования из греко-арийских богов в семитических дьяволов, и наконец – в «божественные атрибуты семи глаз Господа», известна лишь образованным людям, история о Венере-Люцифере стала семейной сказкой

даже в наиболее неграмотных римско-католических странах.

Эта история должна быть рассказана и сегодня для пользы тех, кто склонен не обращать внимания на свою звёздную мифологию.

Венера, охарактеризованная Пифагором как *sol alter*, второе Солнце, из-за своего величественного сияния – равного которому нет ни у кого из небесных тел – первой должна была привлечь внимание древних теогонистов. До того, как ее стали называть Венерой, она была известна в до-гесиодовой теогонии как Эосфор (или Фосфор) и Геспер, дитя рассвета и сумерек. Кроме того, у Гесиода эта планета разделяется на два божественных существа, два брата – Эосфор (Люцифер, на латыни), утреннюю, и Геспер, вечернюю звезду. Они были детьми Астрея и Эос, так же как и Кефала и Эос (Theog: 381, *Nyg. Poet. Astron.* 11, 42). Преллер, которого цитирует Декхарм, показывает, что Фазтон идентичен с Фосфором, или Люцифером (Греческая мифология, I, 365). И, ссылаясь на авторитет Гесиода, он также рассматривает Фазтона как сына двух последних божеств – Кефала и Эос.

Фазтон, или Фосфор, «светящееся утреннее небесное тело», был унесен в ранней юности Афродитой (Венерой), которая сделала из него ночного стража своего святилища (Theog. 987-991). Он является «прекрасной утренней звездой» (см. Откровение Иоанна, XXII. 16), и его полюбила за лучезарное сияние богиня рассвета, Аврора, которая, постепенно затмевая свет своего возлюбленного, таким образом, выглядит похитительницей звезды, вновь выпускающей ее на вечерний небесный горизонт, где она служит смотрителем небесных врат. Ранним утром Фосфор «появляется из вод Океана, поднимает в небеса свою священную голову, чтобы возвестить о приближении божественного света» (Илиада, XXIII. 226; Одиссея, XIII. 93; Virgilius, Энеида, VIII. 589; *Mythol. de la Grece Anticue*: 247). Он держит в своих руках факел и летит через пространство, так как он предшествует колеснице Авроры. Вечером он становится Геспером, «самой великолепной из звезд, сверкающих на небесном своде» (Илиада, XXII. 317). Он отец гесперид, хранительниц золотых яблок вместе с драконом (Ладонем); прекрасный дух с золотыми выющимися локонами, которого воспевали и прославляли во всех древних эпитафиях (свадебных песнях как у ранних христиан, так и у языческих греков); тот, кто на исходе ночи правит свадебным кортежем и доставляет невесту в объятия жениха. (*Carmen Nuptiale*. См. Декхарм, «*Mythol. de la Grece Anticue*»).

Кажется, что до сих пор здесь не было никакой возможности для *garprochement* (сближения) или какой-либо аналогии между этими поэтическими персонификациями звезды, чисто астрономического мифа, и сатанизмом христианской теологии. На самом деле, тесная взаимосвязь между этой планетой как Геспером, вечерней звездой, и греческим Садом Эдемом с его драконом и золотыми яблоками, может при наличии некоторого полета фантазии навести на мысль о некоем мучительном сходстве с третьей главой Книги Бытия. Но этого недостаточно для того, чтобы оправдать воздвижение теологической стены для защиты от язычества, стены, сложенной из клеветы и ложных толкований.

Но из всех греческих эвгемеризаций, Люцифер-Эосфор является, однако, наиболее сложной и запутанной. Эта планета стала у римлян Венерой, или Афродитой-Анадиоменой, богиней, появившейся в море, «Божественной Матерью», одинаковой с финикийской Астартой, или еврейской Астарот. Все они назывались «Утренней Звездой», и Девами Моря, или Мар (отсюда – Мария), бездонной Синью, – имена, которые ныне дает Деве Марии римско-католическая церковь. Все они были связаны с луной и полумесяцем, с драконом и планетой Венерой, так же как и мать Христа была соотнесена со всеми этими атрибутами. Если финикийские мореплаватели путешествовали, укрепив на носу своих судов изображение богини Астарты (или Афродиты, Венеры Эруцины) и рассматривая вечернюю и утреннюю звезду как свою путеводную звезду, «глаз своей богини-матери», то же самое делают римско-католические моряки и по сей день. Они выставляют на носках своих кораблей Мадонну, и благословенная Дева Мария называется тогда «Морской Девой». Признанная покровительница христианских моряков, их звезда, «*Stella Del Mar*», и т. д., она устанавливается на лунном серпе. Подобно древним языческим богиням, она есть «Королева

Небес» и «Утренняя Звезда», каковыми были и они.

Если из всего этого можно получить какие-либо объяснения, то предоставим это проницательности читателя. Между тем, Люцифер-Венера не имеет ничего общего с тьмой, и имеет много общего – со светом. Когда она называется Люцифером, это означает – «носитель света», первый сияющий луч, который разрушает мертвящую темноту ночи. Когда ее именуют Венерой, планета-звезда становится символом рассвета, целомудренной Авророй. Профессор Макс Мюллер сделал правильное предположение о том, что Афродита, рожденная в море, является персонификацией рассвета дня, и самым любимым из всех зрелищ в природе («Наука о языке»), ибо до своей натурализации греками Афродита была олицетворением Природы, жизнью и светом языческого мира, как это показано в прекрасном обращении к Венере у Лукреция, которое цитирует Декхарм. Она есть божественная Природа во всей ее полноте, Адити-Пракрити до того, как она стала Лакшми. Она есть та Природа, перед величественным и прекрасным ликом которой «ветры удаляются прочь, спокойное небо изливает потоки света, и утихают морские волны» (Лукреций). Если рассматривать ее как сирийскую богиню Астарту, Астарот Гиеропольскую, где отождествлением сверкающей планеты была величественная женщина, держащая в одной вытянутой руке факел, а в другой – изогнутый жезл в форме креста. (См. «De Dea Syrie» Лукиана, и «De Nat. Deorum» Цицерона, 3, стр. 23). Наконец, астрономически эта планета представляется как шар, парящий над крестом – символ, с которым не захотел бы быть отождествленным никакой дьявол – в то время как Земля является шаром с крестом над собой.

cruх ansata Венера Земля.

[Тут была картинка, представляющая вот такой вот крест с кругом наверху: () , а также астрономические знаки Венеры и Земли]

ДВД i

Но в данном случае эти кресты означают не символ христианства, а египетский *cruх ansata*, атрибут Изиды (которая есть Венера, а также Афродита и Природа); является фактом то, что Земля была перевернутым *cruх ansata*, имеющим огромное оккультное значение, в которое нет необходимости вдаваться в данном случае.

Теперь о том, что говорит церковь и как она объясняет эту «ужасную связь»? Конечно, церковь верит в дьявола, и не могла бы позволить себе утратить его. «Дьявол является главной опорой церкви», – беззастенчиво уверяет один защитник¹ *Ecclesia Militans* (воинствующей церкви). «Все александрийские гностики говорят нам о падении Эонов и их Плеромы, и все они приписывают это падение желанию знать», – пишет другой волонтер из той же самой армии, как обычно, возводя напраслину на гностиков и отождествляя желание знать, или оккультизм и магию – с сатанизмом.² И далее он немедленно приводит цитату из «Философии истории» Шлегеля, чтобы показать, что семь ректоров (планет) Пимандера, «уполномоченные Богом содержать феноменальный мир внутри своих семи кругов, углубились в любовь к своей собственной красоте³ и стали восхищаться сами собой с такой силой, что из-за этого высокомерного эгоистичного низкопоклонства они в конце концов

¹ Это сказал де Муссо в «Moeurs et Pratiques des Demons», стр. X, – и его подтверждает в этом утверждении кардинал де Вентура. Дьявол, говорит он, – «это один из главных персонажей, чья жизнь тесно сопряжена с жизнью церкви; и без него... никогда не смогло бы произойти падение человека. Без него (Дьявола) Спаситель, Искупитель, Распятый был бы лишь наиболее смешным из статистов, а Крест – оскорблением здравого смысла». И ежели все это так, тогда мы должны бы быть благодарны бедному Дьяволу.

² Де Мирвиль. «Нет Дьявола – нет Христа», – восклицает он.

³ Это является лишь другим вариантом Нарцисса, жертвы собственного самолюбования у греков.

пали».

Таким образом, своеобразие и порочность проложили свой путь среди ангелов, наиболее прекрасных созданий Бога, «обернувшихся против своего Творца». Таким созданием в теологическом воображении является Венера-Люцифер, или скорее наполняющий ее Дух, или Регент этой планеты. Это учение основывается на следующем соображении. Три главных героя великой небесной катастрофы, упоминаемой в Откровении, – это, согласно доказательствам отцов церкви, – «*Verbumnote 1*, Люцифер, его узурпатор, и великий Архангел, который побеждает его», и их «дворцами» (астрология называет их «домами») являются: Солнце, Венера-Люцифер и Меркурий. Это совершенно очевидно, поскольку позиция этих небесных тел в солнечной системе соответствует в их иерархическом порядке позиции «героев» XII-ой главы Откровения, и «их имена и судьбы (?) тесно связаны в теологической (экзотерической) системой с этими тремя великими метафизическими именами». («Записки» де Мирвиля для Французской Академии о духах-похитителях и демонах).

Результатом всего этого было то, что теологическая легенда сделала Венеру-Люцифера сферой и владением падшего Архангела, или Сатаны, до его отступничества. Призванные согласовать это утверждение с тем фактом, что метафора «утренней звезды» относилась и к Иисусу, и к его Деве-матери, и что планета Венера-Люцифер кроме того была включена в число «звезд» семи планетарных духов, которым под новыми именами поклонялись римские католики,⁴ защитники католических догм и верований отвечали на это следующим образом:

Люцифер, ревнивый сосед Солнца (Христа), сказал ему, переполненный своей великой гордыней: «Я поднимусь столь же высоко, как и ты!» Его намерению помешал Меркурий, хотя яркость последнего (который был св. Михаилом) столь же терялась в обжигающем пламени солнечного светила, как и он сам, и хотя Меркурий, подобно Люциферу, был лишь советником и хранителем славы Солнца (там же).

Скорее уж хранители «бесчестия», если учения теологического христианства были правы. Но здесь появляется раздвоенное копыто иезуита. Ревностный защитник римско-католической демонологии и культа семи планетарных духов, в то же самое время притворно удивляется совпадениям между языческими и христианскими легендами, между басней о Меркурии и Венере и исторической правдой рассказа о св. Михаиле – «ангеле предстоящем» – земном двойнике, или придатке Христа. Он показывает их, говоря: «подобно Меркурию, архангел Михаил – это друг Солнца, вероятно, его Митра, ибо Михаил – это психопомпный гений, который ведет отделившиеся от тела души к предназначенным для них жилищам, и подобно Митре, он является общеизвестным врагом демонов». Это демонстрирует недавно открытая Хвольсоном книга «Набатеев», в которой зороастрийский Митра называется «великим врагом планеты Венера»⁵ (там же, стр. 160).

Note1
Слово

⁴ Знаменитый храм, посвященный Семи Ангелам в Риме и построенный Микеланджело в 1561 году, все еще находится там и называется ныне «Церковью св. Марии Ангелов». В старом католическом требнике, напечатанном в 1563 году – один или два экземпляра которого все еще можно увидеть в палаццо Барберини – можно обнаружить религиозную службу (*officio*) семи ангелов, и их старые и оккультные имена. То, что эти «ангелы» являются языческими ректорами, под различными именами – еврейские имена замещались греческими и латинскими – семи планет, доказывается тем, что сказал папа Пий V в своей булле к испанскому духовенству, позволяющей и поддерживающей культ вышеупомянутых семи духов звезд. «Нельзя чрезмерно возвеличить эти семь ректоров мира, символами которых являются семь планет, так как это есть утешение для нашего века – стать, с благоволения Бога, свидетелем культа этих семи пылающих светил, и этих семи звезд, культа, который вновь достиг своего блеска в христианских странах». («*Les Sept Esprits et l'Histoire de leur Culte*». Вторая записка де Мирвиля в академию. Том 2, стр. 358).

⁵ Геродот показал идентичность Митры и Венеры, поэтому данная фраза в «Набатейском земледелии», очевидно, понята неправильно.

Есть что-то во всем этом. На этот раз – это искренняя уверенность в совершенной идентичности персонажей небесных и заимствованных из языческих источников. Это любопытно, если все же не чересчур беззастенчиво. Если в древних аллегориях маздеистов Митра побеждает планету Венеру, то в христианской традиции Михаил наносит поражение Люциферу, и оба они получают в качестве вознаграждения планету побежденного божества.

Митра, – говорит Доллингер, – владел в древности звездой Меркурием, находившейся между солнцем и луной, но ему была дана планета побежденного, и со времени этой победы его всегда отождествляют с Венерой («Иудаизм и язычество», том 2, стр. 109 во французском переводе).

В христианской традиции, – добавляет ученый маркиз, – Святой Михаил наделяется на небесах трон и дворцом врага, которого он победил. Кроме того, подобно Меркурию, этому демону-богу, которому во времена расцвета язычества посвящались все мысы на земле, Архангел является покровителем мысов и в нашей религии.

Означает ли это, если вообще во всем этом есть какой-либо смысл, что сегодня, во всяком случае, Люцифер-Венера является священной планетой, а не синонимом сатаны, поскольку св. Михаил стал ее законным наследником? Вышеприведенные заметки заканчиваются таким невозмутимым размышлением:

Очевидно, что язычество заблаговременно использовало, и наиболее удивительным способом, отличительные свойства и особенности князя, предстоящего Господу (Михаила), отнеся их к своему Меркурию, к египетскому Гермесу Анубису, и Гермесу-Христу у гностиков. Каждый из них представлялся первым из советников и богом, ближайшим к солнцу, *quis ut Deus*.

Это имя, со всеми своими атрибутами, стало именем Михаила. Добрые отцы, мастера-масоны Храма христианской церкви, поистине знали, как использовать языческий материал для своих новых догм.

На самом деле, достаточно проверить некоторые египетские картуши (орнаменты), обнаруженные Росселини («Египет», том I, стр. 289), чтобы обнаружить Меркурия (двойника Сириуса в нашей солнечной системе) в качестве Сотиса, предваряемого словами «sole» и «solis custode, sostegnon dei dominanti, e forte grande dei vigilantī», «страж солнца, защитник владений, и сильнейший из всех хранителей». Все эти титулы и атрибуты ныне относятся к Архангелу Михаилу, унаследовавшему их от демонов язычества.

Кроме того, путешественники, прибывшие в Рим, могут удостовериться в удивительном присутствии в статуе Митры, в Ватикане, хорошо известных христианских символов. Мистики хвастаются этим. Они обнаружат «в его львиной голове и в его орлиных крыльях – голову и крылья отважного Серафима, хозяина пространства (Михаила); в его кадуцее (жезле, обвитом двумя змеями) – борьбу доброго и злого начал, и особенно в двух ключах, которыми, как утверждают, обладает Митра, подобно св. Петру, – ключами, которыми серафим-покровитель, отпирает и запирает Небесные Врата, *astra cludit et recludit*». (Мет. стр. 162).

Если суммировать все это, то вышесказанное доказывает, что теологическая небылица о Люцифере была построена на разнообразных мифах и аллегориях языческого мира, и это вовсе не догма откровения, а просто догма, выдуманная для того, чтобы защитить и поддержать суеверие. Меркурий был одним из Солнечных советников, или киноцефалов египтян, буквально, сторожевых собак Солнца, другой же был Эосфором, самой прекрасной из планет, «*qui mane oriebaris*», рано восходящей, или у греков – *orgrinoz*. Он был идентичен с Амон-Ра, светоносцем Египта, и назывался всеми народами «вторым порождением света» (первым был Меркурий), началом путей его (Солнца) мудрости, и Архангел Михаил также считался *principium viarum Domini* (началом Божественных путей).

Таким образом, чисто астрономическая персонификация, построенная на оккультном значении, которое по-видимому не удалось разгадать никому за пределами восточной

мудрости, стала сегодня догмой и составной частью христианского откровения. Грубое перенесение характерных свойств не может привести к тому, что мыслящий человек допустит пребывание в одной и той же тринитарной группе с одной стороны – «Слова», или Иисуса, Бога и Михаила (изредка дополненных Девой Марией), а с другой стороны – Митру, Сатану и Аполлона-Абадона: и все это по прихоти и по желанию католических комментаторов. Если Меркурий и Венера (Люцифер) являются (астрономически, в своем обращении вокруг Солнца) символами Бога Отца, Сына, и их Наместника, Михаила, «Победителя дракона», согласно христианской легенде, почему же тогда, когда они называются Аполлоном-Абадоном, «Царем Хаоса», Люцифером, Сатаной или Венерой, они должны немедленно становиться дьяволами и демонами? Если нам говорят, что «победитель», или «Меркурий-Солнце», или, опять-таки, св. Михаил в Откровении, получил добычу побежденного ангела, а именно, его планету, то почему же этот позор должен и в дальнейшем иметь отношение к небесному телу, которое было таким образом очищено? Люцифер является ныне «предстоящим Лику Господа»,⁶ потому что «этот лик отражается в нем». Но мы полагаем, что скорее потому, что солнечные лучи в семь раз больше отражаются от Меркурия, чем от Земли, и в два раза больше, чем от Люцифера-Венеры: христианский символ снова доказывает свое астрономическое происхождение. Но в астрономическом ли, мистическом, или же символическом аспектах, Люцифер является столь же добрым, как и любая другая планета. Выдвигать в качестве доказательства демонического характера этой планеты и ее идентичности с Сатаной форму Венеры, придающую сходство серпу этой планеты с укороченными рогами – это явная чушь. Но связывать это с рогами «мистического дракона» в Откровении – «один из которых был сломан»⁷ – во что хотели бы заставить поверить своих читателей во второй половине нашего века поборники воинствующей церкви: маркиз де Мирвиль и шевалье де Муссо – это просто оскорбление публики.

Помимо всего прочего, у Дьявола не было рогов до четвертого века христианской эры. Это было чистым изобретением отцов церкви, возникшим из их желания связать бога Пана и языческих фавнов и сатиров со своей легендой о Сатане. Демоны язычества были столь же безрогими и бесхвостыми, как и сам Архангел Михаил в воображении своих поклонников. «Рога» в языческом символизме были эмблемой божественной силы и творения, а также изобилия в природе. Отсюда и бараньи рога Амона, Бахуса и Моисея на древних медалях, и коровьи рога Изиды и Дианы, и т. д., и т. д., – и у самого Господа Бога Пророков Израиля. Ибо Аввакум предоставляет нам доказательства того, что этот символизм был принят «избранным народом» в той же степени, как и гоими-язычниками. В Главе III этот пророк говорит о «Святом с горы Фаран», о Господе Боге, который «грядет от Фемана, и чей блеск как солнечный свет», и у кого есть «рога, выходящие из его руки».

Кроме того, если кто-нибудь прочитает еврейский текст книги пророка Исаи и обнаружит, что в Главе XIV, стих 12, не упоминается никакой Люцифер, а говорится просто о Хиллел, «яркой звезде», то он вряд ли сможет удержаться от удивления тем, что образованные люди в конце нашего столетия могут быть столь невежественными и связывать сияющую планету – или еще что-либо другое из этой области – с ДЬЯВОЛОМ!⁸

⁶ «И в библейской, и в языческой теологиях», – говорит де Мирвиль, – «Солнце имеет своего бога, своего защитника и своего козньственного узурпатора, другими словами, своего Ормузда, свою планету Меркурий (Митра) и своего Люцифера, Венеру (или Ахримана), который был отнят у своего старого хозяина и ныне отдан его победителю» (стр. 164). Таким образом, Люцифер-Венера является ныне совершенно святым.

⁷ В Откровении нет «сломленного рога», но в Главе XIII, 3, просто сказано, что Иоанн видел, что «одна из голов его как бы смертельно была ранена». Иоанн в свое время ничего не знал о «рогатам» дьяволе.

⁸ Буквально использованные в данном месте слова и их перевод таковы: «Ank Naphelta Mi-Shamayim Hillel Ben-Shachar Negdangta La-Aretz Cholesch El-Goum», или «Как ниспал ты с неба, Хиллел, Сын Утренней Зари, разбился о землю ты, мучитель народов». Здесь слово, переведенное как «Люцифер» – это Хиллел, и оно

«Люцифер», сентябрь 1887 г.

С любовью,
электронная библиотека
Theosophy-Books.org

обозначает «светящий ярко или великолепно». Совершенно верно, что при помощи игры слов, которой столь подвержен еврейский язык, глаголу хиллел может быть придано значение «выть», отсюда, при помощи легкого преобразования, хиллел может быть переделан в «воющего», или дьявола, однако же, это такое создание, которое редко, если вообще когда-либо, можно услышать «воющим». Паркхарст в своем «Лексиконе» говорит: «В сирийском переводе хиллел переводится как «вой»; и даже Джером отмечает, что буквально это слово означает «выть». Михаэлис переводит его как «Вой, Сын Утренней Зари». Но в таком случае Хиллел, великий еврейский мудрец и реформатор, может быть также назван «воющим» и связан с дьяволом!